

В стихотворении «Обрыв» Алексея Полуботы «естественное единство и нераздельность миров – моего, мира поэта, и мира, который он ощущает», – особенность, тонко подмеченная Лауреатом Государственной премии СССР, поэтом Валентином Сорокиным, представляет собой источник движения художественного действия произведения, являясь целеполагающим началом динамического развёртывания сюжета. Мотив неторопливого постижения, состоящий из переплетения тончайших линий, неразложимых элементов, открывает окончательный смысл только в последнем катрене материализацией главного, идеального представления. В связи с этим мне кажутся очень точными слова ещё одного современного классика русской литературы Василия Казанцева, который назвал лирику Алексея поэтическим постижением мира. Событие постижения осуществляется в стихотворении в виде цепочки событий соединения с красотой мира, неспешного приобщения к ней, приводящее к определённой черте, за которой открывается строжневое, изначальное – краугольный камень, лежащий в основании миропорядка. Камень, на котором зиждется красота в любой из форм её проявления.

Начинается стихотворение с погружения в красоту. Красота открывается плещущем морем у края обрыва: его плеск и горячий ветер в самом начале – это грани мирной гармонии

вокруг лирического «мы». Горячий ветер словно и не сушит «губы и сердца», а овевает их, как будто слегка успокаивает полыхающее в сердце. Конвергенция метонимии и метафоры «и сушил горячий ветер / наши губы и сердца» рождает впечатление всепроникающей гармонии. Проявление радости и ощущение радости соединяются в строках параллельных предыдущим: «и смеялись наши губы, / и туманились глаза».

До третьего четверостишия мир вокруг горячий, но не обжигающий. Он плещется и обволакивает. Он мягок. «И казалось...» – первое слово, сбивающее плавный ритм, вдруг ставящее под сомнение реальность происходящего: «и казалось бесконечным...» – с этого момента начинает слышаться какая-то неполнота ощущений, пережитых в первых двух катренах. «И казалось бесконечным / море жёлто-голубое» – читателя как будто подвели к обрыву. Я стою у самого его края, но всё ещё смотрю вдаль. И бесконечность жёлто-голубого моря так естественна, ведь оно на самом деле такое. Но почему-то жёлтый и голубой уже начинают восприниматься почти как антонимы.

Следующие строки «и в сухих колючих травах / прятался от ветра зной» становятся определённым смысловым и эмоциональным мостиком, подготовкой того, кто погружён сейчас в этот словесный мир, к переходу, к тому, что сейчас что-то должно произойти. И вот уже слышится совсем негромкая оценочность в определении «сухих». Если в начале стихотворения глагол «сушить» (сушил) не содержит в себе ни малейшего элемента негативной коннотации, а напротив, выступает неотъемлемым свойством жаркого морского лета, то оборот в «сухих колючих травах» в предпоследней строфе представляет собой градацию, новый образ. Вроде, это тот же жаркий берег. Тот и не тот. Другой. Жесткий, колючий. Эпитеты «колючий» и «сухой» в составе образа произросли и оказались связанными с желто-голубым. А точнее, с жёлтым, в этом сложном эпитете. Голубое остаётся позади, так же, как и бесконечное море. Дальше нас ведут смыслы сухого и желтого. Зной, который прячется в сухих травах, тоже жёлтого цвета, поэтому в сухих (= жёлтых), а не зелёных травах (а их здесь и нет) ему спрятаться легче. Это какой-то другой зной, не такой, как не названный, но заполняющий собой пространство первого восьмистишия. Этот зной невозможно ни смочить, ни остудить...

Последний катрен открывается модальным глаголом «и не верилось». Параллелизм, синтаксический и модальный (см. «казалось бесконечным»), усиливает чувство нереальности первых восьми строк, или неполноты эмоций, помещённых в них. Именно последние строки делают законченными, исчерпывающими переживания начала стихотворения. Оно обретает всю полноту правдивости. В безусловной перекличке «в... мареве ковыльном» с «туманились глаза» теперь нет ничего убаюкивающего, обволакивающего. Теперь – это мгла, видение сквозь пелену. Клонится к земле ковыль. Пригибается. Укрывает ковыльной мглой того, кто в окопе. Эпитет «окровавленный» апеллирует к «розовый» («терпкий розовый напиток»). Коррелирует с ним. Розовым терпким утолялся жар, окровавленный – красный – высшая степень проявления цвета и вообще любого качества в русском языке: русская кровь всегда горячая и горючая. Горячая кровь («жизнь кладёт») задохнулась в «душном» зное, который в противоположной точке той же реальности можно охладить.

Мироощущение лирического «мы» в начале стихотворения обретает завершённость, целостность. Все глаголы, кроме последнего, употреблены в прошедшем времени. И только «кладёт» – в настоящем, дьящемся. В какой бы точке на временной оси ты не находился, это происходит: «кто-то жизнь кладёт за нас». Последний катрен – это и есть тот самый обрыв, в который «мы» заглянули; соединяясь с красотой окружающего мира, вплотную подошли к пониманию сущностной основы мироустройства: эстетическое, нравственное, бытийное оказались сплавлены, а в сердцевине – чьё-то самопожертвование...

В многочисленных публицистических произведениях и выступлениях Алексея Полуботы, как и в одной из магистральных тем его художественного творчества, отражается верность исторической памяти своего народа. Та сила духа, которая подняла русских людей юго-восточной Украины защищать своё право быть русскими ценой собственной жизни, это та самая сила, которая живёт в русском народе и неизменно проявляется в лихую годину Отечества, эта та сила, которая в 1941-1945 годах бросала героев на амбразуры немецких дзотов, таранила немецкие эшелоны, помогала сестричкам с отмороженными руками и ногами продолжать

вытаскивать раненых с поля боя... Самопожертвование. Не способность к самопожертвованию, как некий потенциал или возможность, но именно самопожертвование в его самой реальной, материальной представленности, и это не какой-то нравственный резерв, а то, что всегда есть в русской душе, но как бы в свёрнутом виде, словно сжатая пружина, в любую минуту готовая разжаться... Стихотворение «Обрыв» о сегодняшнем Донбассе, и хотя прочитывается это только в самом его конце, очевидно, что всё оно – ещё один повод сказать о главном, ценностно-сущностном...

В пучке неявных мотивов, но открывающих иные, более общие пласты мировосприятия в стихотворении, проступает мотив душевного движения человеческой души между полюсами неосязаемого мироздания. Это мотив недостижимой полноты внутреннего взаимодействия человека с реальностью, с жизнью. Человек постоянно пребывает между этими полюсами. Начав движение, противоположного полюса не достигает никогда. Обе противоположности могут сойтись на какое-то мгновение, когда необъяснимая сложность мира в его цельности вдруг озарит на миг. Потом, конечно, сократится снова. И чаще всего такое происходит в моменты поэтического постижения мира. Что, собственно, и случилось в стихотворении.

ИСТОЧНИКИ:

Полубота А.В. / Вечность: стихотворения. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018. – 136 с.